

Секция «Политика памяти: методология исследования и практики применения»

Политика памяти и историческая политика в современной России

Научный руководитель – Казаринова Дарья Борисовна

Бурчалкина Александра Максимовна

Студент (магистр)

Российский университет дружбы народов, Факультет гуманитарных и социальных наук,
Москва, Россия

E-mail: sascha-b7@yandex.ru

Историческая память в последние годы находится в центре властного политического дискурса, что неудивительно, ведь активность политиков как субъектов исторической памяти наиболее востребована обществом в периоды, когда происходят масштабные социально-экономические и политические трансформации, затрагивающие вопросы выбора пути развития, в эпоху изменения границ государства, его геополитического статуса. В начале 2000-х произошел переход дискурса от «Новой России» к «Тысячелетней России». Политика памяти и историческая политика в значительной степени связана с контекстом Победы в Великой Отечественной войне, а наиболее острые дискуссии («войны памяти») возникают на почве интерпретации истории Второй мировой войны зарубежными политиками. Маркером переломного момента во взаимоотношениях России и Запада стал официальный пересмотр и превращение «дискурса Холокоста» в дискурс «войны двух тоталитаризмов», оформленное резолюцией Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» 2019 г.

«Политика прошлого» (Норберт Фрай) трактуется как политико-моральное, правовое, экономическое и педагогическое «преодоление прошлого» средствами политики, юстиции, науки, экономики и образования. Там, где делается акцент на «преодолении» прошлого, институции долговременности и повторяемости не обязательно играют ведущую роль. «Историческая политика» (Леггеви, Майер) изучает публичные дискуссии и принятие политико-административных решений. [1].

Л. П. Репина характеризует историческую память с позиции социокультурного феномена, нацеленного на осмысление исторических событий и их символическую репрезентацию. [4]

Понятие «политика памяти» впервые было введено в оборот во Франции для обозначения тесной взаимосвязи политики и способов интерпретации прошлого. Главным теоретиком концепта политики памяти является Пьер Нора, который в своей концепции «Les Lieux de memoire», указавший на зазор между историей и памятью. Например, в статье про Верден в книге Пьера Нора, описана не знаменитая битва Первой мировой войны, а воспоминания о ней. В центре большинства работ находится вопрос о том, когда место памяти получило символическое значение и как оно менялось с течением времени. Поэтому это направление он называет «вторичной историей». [5]

Историческая политика или политика памяти – это целенаправленное конструирование коллективных представлений о прошлом и их использование в целях социально-политической мобилизации и укрепления легитимности политического режима. В диалоге между различными акторами исторической памяти формулируют исторический нарратив, содержащий основные принципы повествования о событиях прошлого.

Проводить историческую политику могут различные заинтересованные действующие акторы – государство, партия, институты гражданского общества. Такая политика проводится с разными целями: легитимация принимаемых решений, идеологический контроль,

борьба за власть. Но объединяет их использование сюжетов прошлого в современном политическом контексте.

Анализ показывает, что политика памяти давно перестала быть только феноменом общественного сознания, политической теории: как всякая политика, т. е. отношения по поводу общественной власти, она опирается на разнообразные властные ресурсы: материально-вещественные, институциональные, идеологические.

Политика памяти в современном российском обществе тем более актуализируется, так как не только настоящее мало вдохновляет граждан, но и относительно недавнее историческое прошлое многими россиянами откровенно отвергается. Наименьшую популярность среди поводов для исторической гордости имеют эпохальные для «новой России» события: гласность и перестройка периода М. Горбачёва вызывают чувство гордости только у 1% россиян, переход к рыночной экономике периода Б. Ельцина у 2%, ликвидацией «железного занавеса» между Россией и остальным миром гордятся 7% опрошенных. [2]

Двигателем политики памяти в той или иной стране выступают интересы, устремления, направленные на утверждение той или иной трактовки истории.

Недавние события из новейшей отечественной истории, связанные с разрушением советской и становлением новой российской государственности (гласность, перестройка, ликвидация «железного занавеса», «ослаблением государства») – складывались ретроспективно. Опросы, проводившиеся непосредственно в этот период, зафиксировали более значительный разброс позитивных и негативных оценок происходивших трансформаций по сравнению с данными, полученными в середине 2000-х годов. [3]

И этот период способен консолидировать граждан только в негативном контексте, на лозунгах критической оценки 1980-1990-х гг. Относительно недавние события, так или иначе связанные с присоединением Крыма, многими воспринимаются положительно, но отличаются во времени консолидационным потенциалом. События, связанные с победой в Великой Отечественной войне, занимают лидирующие позиции в рейтинге гордости россиян. Поддерживаемая перформативными усилиями по поиску исторической и генеалогической информации об истории семьи, память большинства россиян о военном времени фундирует гордость за подвиг Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Однако в ситуации усиленной идеологизации, отсутствия поводов для низовой солидарности и перформативной коллективной памяти и идентичности могут постепенно ослабевать, терять эмоциональную силу и выхолащиваться.

Источники и литература

- 1) Ассман, А. Длинна тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика/Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- 2) Бараш Р.Э. Современная коллективная память в России. Перформативный контекст. Вестник РФО. 2021. Вып. 3–4 (97-98).
- 3) Малинова, О. Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о "лихих девяностых" / О. Ю. Малинова // Политическая наука. 2018. № 3. С. 45–69.
- 4) Репина Л. П. История политического знания. Историческое сознание и историческая память. М., 2004. С. 411–415.
- 5) Nora P. (ed). Les Lieux de memoire. Paris, 1986-1993.